

Весной прошлого года, в апреле, незнакомый женский голос спросил меня по телефону: "Вы не собираетесь написать о Владимире Сергеевиче Иванове?" Я ответила, что рисовала его не раз и писала о нем. Вроде бы больше не собираюсь... "И напрасно, - продолжал голос, - он был таким Человеком, так жил, что одно то, как он жил, помогало другим в самые трудные времена. Мой муж тоже перенес тяжелейшую травму. В Афгане. И для нас с ним Владимир Сергеевич был, как путеводная звезда... И, я знаю, так для многих. Так что напишите! - Но я не журналист. - Это неважно, Вы хорошо его знали. А это - главное".

ПАМЯТЬ

Он был, Он был

Сажу за столом. Смотрю в окно. Двор залит светом. Слепит глаза. На снегу длинные голубоватые тени от берез. А за ними, вся в солнечном мареве, Владимирская колокольня. Глядит на меня своими слуховыми оконцами и молча спрашивает: ты помнишь Володю?..

Помню. Именно эту Владимирскую колокольню рисовал он в последние недели своей жизни. Просил сына Сергея завести машину, подъезжал, останавливался на улице, прямо напротив колокольни, и как-то отчаянно рисовал ее, как будто хотел быть с ней не только тесной, но и набраться от нее высокого духа, который

помогает выстоять на земле и слышать небо, приникнуть, хотя бы взором, и ощутить в рисунке ее достойную меру, несуетную стать и вечную устремленность ввысь.

Иногда мне кажется, что Владимирская колокольня - создание не человека, а природы, так органично она ощущает себя между небом и землей, так величаво и независимо взирает на то, что существует вокруг нее в мире. Вот как будто прямо у ее подножья дворовые мальчишки бегают по насту, гоняют в футбол, визжат от весеннего восторга... Неужели уже март? Неужели уже год, как нет Володи? Март - это его месяц. 8-го он родился. А в сере-

дине - его не стало.

Помню, что почти всю прошлогоднюю, последнюю для него, зиму он рисовал свою жизнь. И получилась как бы автобиография в рисунках. Особенно запомнилось мне "детство". Вологодское, заречное, цветными карандашами нарисованное "детство": "Казаки-разбойники", "Городки", "Прятки" в дровяных поленищах...

Потом юность, авиаклуб, парашютные прыжки, катание на лодке по Вологде-реке с самой хорошей на свете девочкой Галей. Ей он махал крыльями, пролетая над Заречьем в своем учебном самолете...

Все эти рисунки датированы. На каждом число, месяц, час. Час, когда он кончил рисовать. На некоторых стоит: 2 часа... 4 часа... утра...

Видимо, была адская боль, не было никакого терпения. И он спасался самыми светлыми воспоминаниями, рисуя свою жизнь.

... Не помню, где, но знаю, что попросил меня к нему зайти работавший тогда в комсомоле Витя Минин. Потом они стали очень близкими друзьями, а тогда Витя сказал, что неплохо было бы мне познакомиться с удивительным человеком, что он летчик, его са-

молет потерпел аварию, он сам чудом остался жив и вот теперь с перебитым позвоночником и парализованными ногами перечеркнул все предсказания врачей о пожизненной горизонтальности и старается, как может, найти свое место в жизни, вспомнив свою детскую любовь к рисованию. И поэтому надо бы его в этом поддержать. Я согласилась познакомиться с Володицей, но в смысле каких-то учебных навыков сослалась на своего "старшего брата", то есть мужа - Николая Баскакова, так как у него это всегда лучше получалось.

И вот я дома у Володи. Первое впечатление: передо мной молодой, могучий духом, сильный человек, который много перенес и не собирается сдаваться. Я увидела, что этот человек не страшится и новых испытаний. Чтобы обрести свое место в жизни в таких трудных обстоятельствах, предложенных судьбой, он был готов на все. И вот началась эпопея его преодоления.

Наверное, эта эпопея началась еще в госпитале, где он ставил для себя вопрос: жить или нет? Тогда он решил его положительно. Но дальше предстояло не менее трудное: надо было теперь решить, как жить. И кем быть... А он был Сокол.

*Потому и летал он высоко,
Не боясь и не мысля
разбиться,
Что дано лишь отважным
птицам.*

*Но однажды
(он так долго мечтал
и добился!)*

*До зенита крылом дотянул,
Но упал. И разбился.
И с тех пор
Он на небо глядит,
Этот раненый Сокол,
И не может, не может,
как прежде,*

Подняться высоко...

Когда-то случайно запомнившись, эти строки мне показались посвященными Володе. Да, он был Крылатым человеком. Таким он рожден. Таким воспитывала его мама, худенькая и негибаемая Зинаида Викторовна.

как путеводная звезда... Крылатым человеком

Как тысячи российских матерей, в голодное военное и послевоенное лихолетье растила она одна троих. Володю и двух его сестер. И от нее, думаю, он унаследовал какой-то духовоборческий стоицизм. От нее и еще от тети своей, Веры Ивановны Ивановой, которая была добрым ангелом семьи Ивановых.

Всем находилось место в сердцах этих двух женщин. Место и тепло. А это, наверное, главное, что поддерживает человека в жизни - когда он знает, что у него есть место в чьем-то любящем сердце, и когда ему от этого тепло в самую промозглую стужу.

Но был еще один человек в доме Ивановых, который вошел в Володино сердце, когда оно было веселым и счастливым. А в Володину жизнь человек этот вошел, когда летчик Иванов вернулся из госпитали "с перебитыми крыльями". И это была та самая, "лучшая на свете девочка Галя"!

Она тоже была вольной птицей. Полюбив, она не предала свою любовь. Наперекор своим близким, которые, конечно, жалели девушку, считая, что она губит свою жизнь. Она пришла к Володе в самый пиковый момент. И стала его женой.

Мне кажется, что именно это событие было решающим в дальнейшей судьбе Володи. Это помогло ему наперекор всему "остаться на коне". А для этого нужен был не только сильный дух, но и просто физическая сила. Каждый шаг давался с огромным напряжением: спина сломана, ноги в аппаратах, в руках костыли. Но решение принято: эспандер и гантели становятся его постоянными тренерами. Он уже сам может водить машину, сам заводить ее, сам ремонтировать...

"Высота" для него всегда было понятием нравственным. Чтобы подняться как можно выше, надо - в любом деле - учиться. И он начал свои занятия в изостудии Дворца культуры железнодорожников у Евгения Павловича Гусева.

Он подъезжал к парадному подъезду, ребята-студийцы представляли ему свои плечи, и так он

"поднимался" на новую для себя высоту...

А после двух лет занятий в студии Владимир Иванов стал, тоже не без препятствий, студентом-заочником Московского полиграфического института. Хорошо и успешно учиться студенту-заочнику всегда трудно. А каково это было для Володи Иванова, знает одна Галя Иванова.

На машине - в Москву и обратно, на одних руках. А в институте надо сдавать экзамены, зачеты, вести методические работы по нескольким часам..., подниматься на этажи при помощи сокурсников или жены... Иногда Гале удавалось уговорить кого-нибудь из преподавателей принять экзамен прямо в машине... Но как бы то ни было, шесть лет они выдюжили. Институтскую эпопею Владимир Иванов закончил. И диплом об успешном окончании получил. Очевидцы этого события смеялись, что Гале тоже надо было бы выдать диплом...!

С окончанием института для Володи началась его многолетняя работа в областной типографии. Думаю, что, как художник, он не испортил ни одного материала, потому что к делу подходил всегда сугубо ответственно. Для одного заказа издательства он делал десятки вариантов, пока не находил нужное. И если сказал, что выполнит работу к такому-то сроку, то можно было не сомневаться - именно так и будет. Он никого не подводил. Поэтому ему несли и срочную работу, когда до сдачи оставался всего лишь день... Несли, не думая, что сидеть согнувшись всю ночь для него невероятно тяжело. Но, дело и слово всегда были всего дороже для этого человека.

Несмотря на свою ограниченную подвижность, в жизни Волода был очень активным человеком. Многие его глубоко волновало и искало выхода уже в творческих, не заказных работах. Сначала это был квадрат окна, в котором он видел смену времен года, небо и кроны деревьев на нем. Потом он понемногу стал расширять диапазон своих наблюдений

- это была улица, уже из другого окна, и люди, идущие по ней. Постепенно Вологда стала затягивать его в свою жизнь, очаровывать своими деревянными домами, церквями, старинными особняками, рекой и мостами. Он останавливал машину где-нибудь в нужном ему месте и рисовал, рисовал без конца.

Шестидесятые годы - это время повального увлечения линогравюрами. Сестра Оля принесла Володе линолеум, и ему захотелось попробовать свои силы в этом материале. И небезуспешно. От малого к большому, от частного к обобщениям создавался облик именно "его" Вологды. Человек он был "крылатый" и свой родной город часто видел с птичьего полета. Но не одна Вологда была его пристрастием. Он побывал в Белозерске, Кириллове, Ферапонтове и оставил свое видение этих святых мест.

Постепенно он стал участником сначала самостоятельных, а потом и всех наших профессиональных областных и зональных смотров. Его работы были на графической "биенале" в Мишкольце, в Венгрии. Сестра Люба с мужем помогли организовать и оформили его персональную выставку в голубом зале Ленинградского союза художников, которая пользовалась большим успехом. Наш музей-заповедник устроил его большую персональную выставку с каталогом и приобрел в свою коллекцию его работы. Все это, конечно, очень поддерживало его духовно.

Несмотря на все ухудшающееся здоровье, он был полон оптимизма. Любил жизнь, работу, праздники, дружеские застолья, когда он брал гитару, а Галя пела: "Володенька, Володенька, ходи ко мне зимой, ходи, пока молоденький, хороший, милый мой...". И, лишенный этой возможности - ходить, он все-таки входил в дома своих друзей, умел разделить с ними их радость, помогал, чем мог, когда друзьям было плохо. Можно было лежать после операции в палате и получить от него привет и ободряющее слово, переданное

совершенно незнакомым человеком. А потом ломать голову, откуда Володя узнал, где ты. Своим друзьям он делал великолепные экслибрисы и в каждом старался выразить предельно образно облик друга. И этим он тоже "входил" в дома близких друзей и остался в них навсегда.

В его последнюю зиму 1995 года Милитина Ивановна Кукушкина предложила Володе сделать персональную выставку в Детском фонде. Володя согласился. Выставка состоялась. Но приехать на ее открытие у него уже не было сил. Зато зритель по достоинству оценил гравюры, акварели, пастели, экслибрисы. То, в чем выразилась его жизнелюбящая душа.

Я все думаю, где он черпал силы? В вере? По-моему, он был глубоко верующим человеком. Верующим в Добро, Справедливость, Дружество, Красоту, Совестливость. Он был человеком глубоко страдающим, когда эти понятия терялись, а он ничем не мог их защитить...

Мне кажется: все, что есть на нашей планете самого мудрого, достойного и ценного, не пропадает с концом жизни людей. Может быть, оно конденсируется где-то в мировом пространстве и подпитывает космический разум. А душа человека? Куда она девается? Если ей суждено тоже вечное странствие, то чем дольше на земле ее помнят - тем ей лучше. Так я думаю.

От человека на земле, кроме его дел, остается его имя, которое эти дела и венчает.

Хорошо бы какой-нибудь детский дом, где растут безродные ребята, взял бы себе имя Владимира Иванова. Можно подарить ребятам все его работы, а он бы стал им вроде старшего, надежного и верного брата. Не он, конечно, а его имя. Вот о нем мечтаю. Хорошо бы так случилось. И ребяташки вырастали бы с крылатой душой!

Джанна ТУТУНДЖАН.

15 марта 1996 г.

Красный Север